

Наплавались до смерти

Известия - 2005 - 27 авг. - с. 13

ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА Париж

В парижской Opera Bastille показывают новую, монументальную видеоработу знаменитого американца Билла Виолы, чья слава в последние годы докатилась даже до Эрмитажа и Пушкинского музея. Работа называется «Тристан и Изольда». Слова и музыка Рихарда Вагнера.

Текущий сезон в Парижской опере — первый год царствования нового директора Жерара Мортье, который до этого уже благополучно разрушил помпезную караянов-

скую империю Зальцбурга, превратив ее в один из самых передовых оперных фестивалей мира. Центральным событием его первого сезона стал вагнеровский «Тристан», в работе над которым помимо его хороших зальцбургских знакомых — режиссера Петера Селларса и дирижера Эсы-Пекки Салонена (в следующем сезоне его сменит за пультом еще один зальцбуржец Валерий Гергиев) — в качестве сценорафа принял участие Билл Виола.

Нельзя сказать, что использование видео — неожиданность для оперы. Наоборот, это уже давно считается признаком хорошего тона. Но столь тотальное его присутствие на сцене, которое предложил Виола, конечно, существенно скорректировало даже самые смелые представления о современном оперном театре. То, что получилось, оперой назвать еще можно, но театром — пожалуй, уже нет.

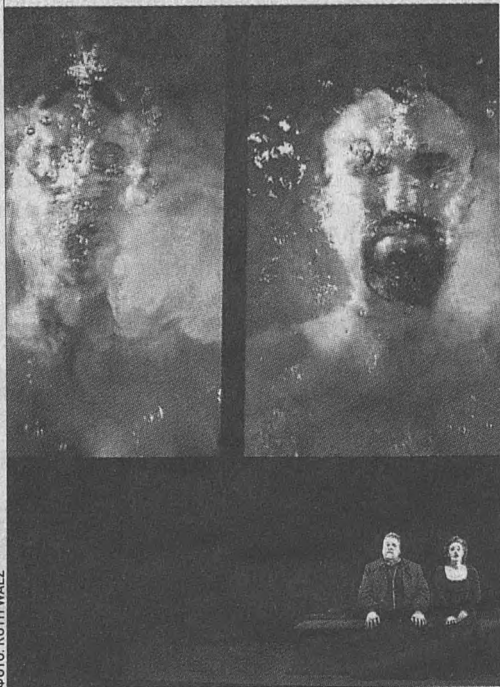
Гигантский плазменный экран, то расширяющийся вширь, то вырастающий вверх, то сужающийся до лаконичного квадрата, — это главное, что видит зритель. Все остальное на сцене, включая скупое и отточенное двигающихся актеров, как в кинотеатре, затянута черным цветом. Хор, солисты и отдельные оркестранты, рассажены по балконам огромного зала Bastille, создают эффект Dolby Surround. Единственная мебель — черный куб, на который присаживаются пригорюнившиеся герои, выясняя свои непростые взаимоотношения, и который в финале станет смертным ложем для Тристана (по такому случаю одетого в белое).

Виола — не просто какой-нибудь рядовой видеохудожник, а вполне законный классик жанра. Это означает: идеально выстроенные картинка, фантастические съемки, технологические чудеса, со вкусом подобранные и одетые типажи — в съемках приняли участие целых две пары Тристанов и Изольд — актерская и акробатическая.

На этом фоне даже харизматичная Вальтрауд Майер, едва ли не лучшая Изольда нашего времени, да остальной, поразительно ровный и блестящий состав (Тристан — Бен Хепшнер, Марк — Франц-Йозеф Зейлиг) вместе с высокотехнологичным оркестром Салонена кажутся лишь естественным приложением (чем-то вроде супердорогих колонок hi-fi) к завораживающему визуальному ряду. Слишком не равны силы.

Вот на экране появляются две точки, постепенно вырастающие в мужчину и женщину. Вот они неспешно приближаются, становятся совсем громадными, останавливаются, томительно долго смотрят зрителям в глаза, потом с мукой на лице начинают раздеваться донага, отдавая свои пожитки участливым старику и старухе. Вот они оказываются перед наполненными до краев чашами, смотрят на свои отражения, окунают в них головы чуть не по самые макушки, не утираясь, торжественно ждут, когда крупные, идеальные капли стекут сами. Все эти действия не иллюстрация вагнеровского сюжета, но они точно передают тревожное и величественное предчувствие любовного подвига, которое исходит из музыки. Когда в конце первого действия приходит двум героям время выпить свой любовно-смертельный напиток — экран ненадолго почти гаснет, чтобы потом показать пару, брошенную в море.

Вода, огонь, живой лес и мертвые ветки — главные темы его истории про Тристана и Изольду, которые, несмотря на прекрасное отношение к ним большинства остальных героев, с самого начала явно не жильцы на этом свете. Все заканчивается чем-то вроде моря смерти. Под главный хит оперы — предсмертную арию в исполнении окаменело стоящей на авансцене Вальтрауд Майер — экранные Тристан и Изольда из воды улетают в небеса.

Видеоинсталляции **Билла Виолы** заставили отойти на второй план даже таких Тристана и Изольду, как Бен Хепшнер и Вальтрауд Майер